

© 1994 г.

А. А. ВОЗЬМИТЕЛЬ

СОЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ ФЕРМЕРОВ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФЕРМЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ВОЗЬМИТЕЛЬ Андрей Андреевич—кандидат философских наук, заведующий сектором комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН. Неоднократно публиковался в нашем журнале.

К настоящему времени в социальном «котле» российского общества образовались и отчетливо проявляются несколько центров субъектной активности вместе с продуцируемыми ею типами (способами) жизни. Каждый из них имеет свое «силовое поле» притяжения разнородных социальных сил и узловые точки роста новой социальной реальности. Взаимодействуя, образуя причудливые сочетания конкретных типов жизнедеятельности, они формируют эмпирически измеряемые социальные качества личности и семьи, мотивации и способов труда, новые образцы самоидентификации, восприятия и отношения к миру.

Иначе говоря, активно набирает силу процесс становления новаторских элементов повседневной жизни людей в ходе их социально-экономической адаптации, естественной конкурентной борьбы за экономическое и социальное пространство, за приоритетность своего социального статуса.

Именно поэтому наиболее интересным объектом исследования образа жизни сегодня выступают инновационные группы. С точки зрения прогноза и анализа

перспективных проблем, наиболее значимым представляется рассмотрение тех из них, которые уже сегодня связаны с формированием среднего класса — социальной основы демократии, свободного труда, частной собственности и гражданской солидарности.

В условиях России особое место принадлежит нарождающемуся фермерству.

Во-первых, как имеющему глубокие социально-экономические корни, что является гарантией быстрого развития фермерского движения, достаточно широкой его социальной базы.

Во-вторых, как виду массовой «трудовой» предпринимательской деятельности, являющейся существенным элементом развития рыночных отношений в стране.

В-третьих, потому, что фермерство означает смену парадигмы организации социальной жизни, переход от, так сказать, «социалистической» интеграции людей к интеграции рыночного типа, с поворотом в сторону норм и ценностей современной цивилизации: свободы, индивидуализма и ответственности, собственности, гражданского общества и правового государства.

Другими словами, фермерство выступает сегодня в роли одной из ключевых фигур социального, экономического и политического реформирования нашей страны.

Проведенный нами сравнительный анализ наиболее характерных черт повседневного бытия новых российских фермеров и работников сельскохозяйственных предприятий¹ позволяет говорить о складывающихся альтернативных способах жизни двух «соседских», но совершенно различных социальных групп, — носителей и выразителей разных социальных качеств.

Однако, как выясняется, и сами фермеры далеко не однородны в социально-экономическом и нормативно-ценностном плане.

19% опрошенных намеревались создать натуральное крестьянское хозяйство главным образом для удовлетворения продовольственных нужд семьи; 32% — натуральное (полутоварное) хозяйство для удовлетворения этих же нужд, но также специально производящее продукцию на рынок; 49% — хозяйство, ориентированное в первую очередь или же исключительно на рынок.

Приведенные данные недвусмысленно свидетельствуют о неоднородности базовых социально-экономических ориентаций глав фермерских хозяйств. За фасадом единого российского фермерства скрыты различные социально-экономические субъекты, преследующие далеко не одинаковые интересы и цели. Разнятся фермеры и по тому личностному смыслу, который они вкладывают в свою трудовую деятельность: более 2/3 ориентированы на то, чтобы много работать и много зарабатывать, обеспечивая высокий уровень жизни и личного потребления; около 1/3 предпочитают работать не перегружаясь, дабы жить не хуже, но и не лучше других («как все»). То есть различаются фермеры прежде всего по ориентациям на способ производства материальных благ, находящим свое отражение в типах создаваемых ими хозяйств (товарное — натуральное), а также по предрасположению к тому или иному стилю жизни.

Причем нас не смущает то обстоятельство, что, например, социально-экономические (точнее, социально-хозяйственные) ориентации наших респондентов не всегда воплощаются в реальность. Несоответствие замысла и его реализации — неизбежное противоречие, являющееся источником динамики деятельности. Недостигнутая значимая жизненная цель побуждает действовать в желаемом направлении, точно так же, как достижение результата, осуществление первичного замысла как правило не

¹ Исследование проводится в рамках академической программы «Альтернативы социальных преобразований посттоталитарного общества» (руководитель — В.А. Ядов) и решает задачи НИП «Образ жизни в условиях кризиса общества и государства» (руководитель - А.А. Возьмитель). На первом этапе, в конце 1992 - начале 1993 г. опрошено 100 глав фермерских хозяйств и 190 работников сельхозпредприятий Тамани. Обследованные нами фермеры Темрюкского района Краснодарского края являются достаточно представительной общностью, репрезентирующей основные черты социального облика наиболее устойчивого ядра общероссийской совокупности фермеров - делегатов АККОР. Речь идет о совпадающих или близких друг другу показателях возраста, образования, социального происхождения, ориентаций и положения накануне «фермеризации».

останавливает набравший силу процесс, а ведет к его развитию и совершенствованию. С другой стороны, с точки зрения типологизации субъектов жизнедеятельности внутри группы фермеров, для нас естественно оказываются более важными компонентами именно базовые ориентации на создание хозяйства того или иного типа и на реализацию в труде того или иного стиля жизни, поскольку они «замешаны» на складывающихся в течение долгих лет жизни ценностных представлениях респондентов и вряд ли подвержены сильной «коррозии» в нынешней переменчивой практике. Именно базовые социально-экономические ориентации прежде всего характеризуют сам субъект, те его черты, которые детерминируют общее и особенное в образе жизни людей.

Итак, взяв за основу два ведущих диспозиционных признака, — ориентацию на создание товарного или натурального хозяйства и реализуемую в труде предрасположенность к определенному стилю жизни, — мы получили на пересечении этих координат следующие типы субъектов жизнедеятельности внутри фермерской группы:

«Фермеры» (42%). Ориентированы на создание товарного хозяйства, напряженный труд, высокий доход и уровень жизни, на наиболее полное удовлетворение личных и семейных потребностей.

«Советские фермеры» (9%). Ориентированы на создание товарного хозяйства, работу без перегрузок, усредненный уровень жизни, личного и семейного потребления.

«Крестьяне» (29%). Ориентированы на создание натурального или полунатурального хозяйства, напряженный труд, высокий доход и уровень жизни, на наиболее полное удовлетворение личных и семейных потребностей.

«Советские крестьяне» (20%). Ориентированы на создание натурального или полунатурального хозяйства, работу без перегрузок, усредненный уровень жизни, личного и семейного потребления.

Ниже описаны наиболее характерные (отличительные) черты жизнедеятельности названных групп.

«Фермеры». По возрастному составу эта группа одна из самых молодых. Здесь наименьшая доля выходцев из чисто крестьянских семей и наибольшая доля тех, кто начинал свой трудовой путь в городе. Очень высок уровень образования, и самая высокая доля бывших служащих.

Видимо, именно образование и богатый жизненный опыт повлияли на то, что «фермеры» демонстрируют самый высокий уровень включенности в ситуацию. Отдавая должное рациональной организации производства и труда, личным и деловым качествам глав хозяйств и других их членов, а также конкуренции, они считают важными (близкими к оценке «в решающей степени») макрополитические условия: законы, задающие режим фермерской деятельности и экономическую политику российского правительства, подчеркивая тем самым большую значимость для них всего, что придает их статусу и занятиям легитимность, прочную правовую основу.

82% этой группы обрели в фермерстве то, к чему стремились: свободу, независимость в жизни и труде; 60% уже воплотили в жизнь свое стремление к созданию товарного хозяйства.

2/3 получают от работы удовлетворение, а иногда и радость. В группе отсутствуют лица, работающие «по привычке», 1/3 трудится ради «хорошего дохода».

Наибольшие положительные эмоции у них связаны с необходимостью повышения своего профессионального уровня, творчеством, конкуренцией, возможностью саморегуляции процесса труда, риском.

Адекватность оценки ситуации, реализация жизненных планов, удовлетворенность трудом сочетаются у «фермеров» с доходом, обеспечивающим сравнительно высокий уровень удовлетворения потребностей семьи. Более того, успешная реализация своих планов позволяет «фермерам» (82% состава группы) уверенно прогнозировать улучшение материального положения уже в ближайшем будущем, чему есть основания верить.

По всей видимости, оптимизм, основанный на собственных достижениях, отража-

ется и в оценке ситуации в России в целом: 46% «фермеров» считают, что года через 2—3 все улучшится, а 18% уверены, что улучшение непременно наступит, но лет через 10.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что 64% группы удовлетворены тем, как складывается их жизнь в целом, но при этом многие (46%) явно неудовлетворены тем, чего достигли и как решают свои проблемы.

Что же сегодня и в перспективе побуждает «фермеров» к сверхнормативной активности, к постоянному поднятию планки личных достижений? Как показывает анализ, в нынешней ситуации — это уже не только фермерский образ жизни сам по себе, но и богатство, высокий доход, которые в перспективной мотивации начинают доминировать, отодвигая признанного лидера (фермерский образ жизни) на второй план.

Однако в качестве актуальной ценности сегодняшнего дня, которой стоит добиваться любой ценой и которая только и может заставить человека работать в полную силу, богатство, жизненный успех, значимы лишь для 20—30%. Тем не менее, общепринятые в развитых демократических государствах средства достижения этой и других важных жизненных целей, такие как частная собственность и конкуренция, независимость, упорный труд, преодолевающий обстоятельства, неприятие насилия и т.п., признаются двумя из каждых трех «фермеров».

Распределение власти и обязанностей в их семьях отражают тяготение к эгалитарно-демократическому стилю жизни. По всем важным для семьи вопросам решение чаще всего принимается совместно всеми ее членами. Это касается распределения ролей в фермерском хозяйстве (в 41% случаев); воспитания детей (41%); проведения досуга (67%) и других аспектов деятельности семьи. По сравнению с остальными фермерскими группами здесь гораздо меньше жен (51%), полностью берущих на себя самую трудоемкую «черную» работу по дому, связанную с приготовлением пищи, мытьем посуды, уборкой, стиркой и т.п.

«Советские фермеры». Данная группа слишком мала, чтобы говорить о ней в деталях. Поэтому опишем лишь самые общие ее черты.

Это люди в возрасте 30—59 лет (100%), причем 63% — от 30 до 39 лет. Чисто крестьянского (63%) и рабочего (12%) происхождения. Все со средним образованием. Однако перед «уходом» в фермеры — рабочие (75%).

Отличительная особенность всей группы — *полный крах первоначальных планов по созданию товарного хозяйства* и явно пренебрежительное отношение к законодательным основам своей деятельности.

Доход — из самых низких: 75% состава относятся к наиболее бедным группам. Однако переход в статус фермера не ухудшил их материальное положение, которое они не надеются улучшить в ближайшие годы. Несмотря на все эта работа им приносит удовлетворение (75%). Правда, весьма специфичны мотивы удовлетворенности: наибольшие положительные эмоции вызывают у них влияние удачи, случая на конечные результаты труда, а также груз ответственности за принимаемые решения. Неуспех в осуществлении основных жизненных устремлений и сравнительная бедность обусловили неудовлетворенность жизнью в целом, при более высокой удовлетворенности самими собою. Последнее обстоятельство определяется, на наш взгляд, не столько реальными успехами в ведении фермерского хозяйства, которых нет и не предвидится в ближайшем будущем, сколько самим фактом его создания, переходом из статуса зависимого работника в статус самостоятельных хозяев. По всей видимости, мотив сохранения этого статуса будет определять поведение группы в ближайшем будущем.

Единодушны «советские фермеры» в своем неприятии успеха любой ценой, а большинство не высказали отношения к частной собственности и конкуренции как к средству обеспечения процветания страны и достойного уровня жизни всем ее гражданам. Видимо, тут они действительно не знают, что сказать, имея за плечами свои явно недостаточно удачный опыт частнопредпринимательской деятельности.

В семьях наблюдается четкое распределение власти: мужу принадлежит последнее слово при решении производственных вопросов; жене — непроизводственных, однако обязанности по дому чаще всего делятся пополам (67%).

«Крестьяне». Этот тип отличается от двух предыдущих значительной долей лиц пенсионного возраста (60 лет и старше), составляющих 11% группы. В ней самый высокий удельный вес так называемых коренных (по рождению) горожан (26%). Сравнительно высока доля тех, кто начинал свою трудовую биографию в городе (26%). По социальному происхождению преобладают рабочие и крестьяне, однако по сравнению с «советскими» группами заметна доля выходцев из семей служащих (15%). Но главное, что отличает данную группу в социальном плане от всех других — очень высокая доля лиц со средним специальным образованием (67%), в основном неаграрного профиля, и почти столь же высокая доля рабочих (63%) по последнему (перед уходом в фермеры) месту работы, а также безработных (11%). Учитывая, что в группе 15% имеют высшее образование, можно констатировать, что именно здесь получился самый большой разрыв между уровнем образования и характером труда в «предфермерской» биографии, что, конечно же, послужило мощным импульсом к перемене статуса и рода занятий.

Оценка «крестьянами» факторов выживаемости их хозяйств близка к «фермерской». Однако они не придают столь важного значения макрополитическим факторам (законам, политике правительства) как это делают «фермеры», а напротив, считают, что воля местной власти значит много больше и определяет эффективность хозяйствования в гораздо большей степени, чем складывающийся на рынке баланс спроса и предложения на сельскохозяйственную продукцию и конкуренция товаропроизводителей.

«Крестьяне» в основном реализовали свои стремления к созданию натурального или полунатурального хозяйства, а 71% из них безусловно нашел в фермерстве то, к чему стремились.

Они имеют самое высокое материальное положение среди других фермерских групп и намереваются (74%) его серьезно улучшить в ближайшие 2—3 года.

Труд приносит большинству из них (67%) удовлетворение, а иногда и радость; 22% работают ради получения высокого дохода и 11% — по привычке. Таким образом, довольно высокий уровень образования не входит в противоречие с их нынешним статусом и характером труда. Более того, группа отличается максимально высокой удовлетворенностью самыми разнообразными элементами своей трудовой ситуации, включая те, которые у других фермеров вызывают озабоченность. Весьма положительно оценивается «крестьянами» такой элемент труда как «необходимость рассчитывать только на собственные силы», отношение к которому у членов других групп больше отрицательное, нежели положительное. Аналогичная ситуация с необходимостью инвестирования производства, что связано с ограничением личного потребления.

Успешность в ведении хозяйства, реализация первоначальных целей, неотчужденный труд, оптимизм логично приводят к самой высокой среди анализируемых групп удовлетворенности жизнью в целом (70%), а также самими собой (67%).

Группа активно выступает против всего, что мешает ограничить субъектность личности, но еще более сплоченно — против распространенного суждения, будто «лишь стремление к известности и богатству заставляет человека работать в полную силу». Однако отрицание известности и богатства в качестве стимулов упорного добросовестного труда не означает полного их отвержения как достойных жизненных целей вообще: свое несогласие с суждением «лучше иметь много друзей, чем известность и богатство» высказали 33% «крестьян» (согласие — 52%). Следует отметить и другое обстоятельство: несмотря на стабильность текущей и перспективной мотивации труда у «крестьян», ядро которой составляют фермерский образ жизни сам по себе, высокий уровень личного (семейного) потребления и здоровое, полноценное питание, в перспективной мотивации их труда, хотя и на периферии, появляются «высокий доход, богатство».

Наиболее распространенный тип семьи в этой группе традиционный, где всеми вопросами, связанными с использованием денежного дохода на семейное потребление и воспитанием детей ведает жена, она же занимается обслуживанием семьи в целом.

«Советские крестьяне». 50% группы старше 50 лет; лиц крестьянского происхождения — 61%; рабоче-крестьянского — 34%; начинающих свою биографию на селе — 89%. Несмотря на сравнительно невысокий уровень образования, 33% из них перед «фермеризацией» были служащими (рабочими — 50%).

Оценки складывающейся ситуации, факторов выживаемости хозяйств, наиболее близки к аналогичным оценкам работников сельскохозяйственных предприятий, хотя в целом представляются несколько более рациональными. И там, и тут упование прежде всего на личные и профессиональные качества членов хозяйства (трудового коллектива) и его главы, руководителя.

Первостепенной же важности организационным факторам (рациональная организация производства и труда) не придается должного значения. «Советские крестьяне» совсем не склонны учитывать (а следовательно, и полагаться) на важнейшие собственно экономические (спрос и предложение на сельхозпродукцию, конкуренция между товаропроизводителями), политические (экономическая политика российского правительства, деятельность региональных и местных властей) и правовые факторы (законодательная база аграрной реформы), получившие оценки от «определяют выживаемость фермерских хозяйств в малой степени» до «не определяют».

Жизненная ситуация «советских крестьян» характеризуется частичной реализацией первоначальной мотивации (50% нашли в фермерстве то, к чему стремились) и частичной реализацией планов создания натурального или полунатурального хозяйства. Причем 1/3 не смогли ответить, какого же типа хозяйства они создали.

В группе самая низкая удовлетворенность своим трудом — 28%, 50% работают по привычке, ради высокого дохода — 22%. Эти показатели очень близки показателям отношения к труду работников сельхозпредприятий.

Соответственно у «советских крестьян», в отличие от «крестьян» довольно мало элементов труда, вызывающих положительные эмоции, причем элементов достаточно специфических. Так, им приносят удовлетворение «необходимость доказывать свое право быть фермером, показывать пример хозяйского отношения к делу», «жизнь постоянно "на виду", под пристальным вниманием людей». Отметим, что эти элементы трудовой ситуации у «фермеров» и «крестьян» вызывают в целом отрицательные эмоции.

Лишь частичная реализация основных жизненных устремлений, слабая удовлетворенность трудом, не слишком адекватная оценка производственной ситуации, — все это неизбежно отрицательно сказывается на материальном положении, которое у «советских крестьян» оставляет желать лучшего — 50% семей относятся к первым двум, самым бедным группам по доходу.

Надо сказать, 2—3 года назад, до создания фермерского хозяйства, материальное положение «советских крестьян» было немногим хуже, нежели в других фермерских группах. Однако переход в фермерство явно вылился в кризис, который большинство из них не надеются преодолеть в ближайшие годы.

Поэтому не должны удивлять сравнительно низкий уровень удовлетворенности жизнью в целом (56%) и весьма высокая удовлетворенность собою, тем чего достигли и как решают свои проблемы.

Возможно, ключ к пониманию жизненного краха этой группы - в сочетании несовместимых целей и средств их достижения. Так, именно в этой группе наиболее выражено стремление к успеху: с суждением «ничто в жизни не может заменить большого делового успеха» согласны 39% и не согласны 22%, остальные затруднились дать определенный ответ.

Однако уже изначальная характеристика этой группы — «работать в меру», «не перегружаясь» и жить «как все» - вызывает сомнение в достижении серьезного жизненного успеха. Еще большие сомнения возникают при анализе других ориен-

таций, присущих группе в целом, таких как гиперосторожность (с суждением «лучше безопасный, но длинный путь, чем короткий, но рискованный» согласен 61%, не согласны 6%) и в значительной степени объектность (конформизм), склонность к подчинению другим людям и обстоятельствам.

Анализ текущей и перспективной мотивации ведения фермерского хозяйства этой группой говорит о константности мотивации и сознательном ограничении жизненных устремлений, умещающихся и сегодня, и в перспективе в рамках здорового питания, высокого уровня личного (семейного) потребления, комфортабельного дома и учебы детей в престижных заведениях. То есть и в будущем, когда ситуация в России должна улучшиться, они предполагают жить «как все», только на несколько более высоком уровне удовлетворения бытовых потребностей.

«Советским крестьянам» присущ особый тип отношений в семьях, чреватый, на наш взгляд, серьезными конфликтами и разладом: максимально возможный демократизм в решениях, касающихся важных вопросов жизнедеятельности семьи (в 72% семей использование денежного дохода на семейное потребление обсуждается сообща), и авторитаризм, домострой на деле: в 78% случаев тяжесть всей «черной» работы по дому несет на себе жена, лишь в 6% случаев эта работа выполняется совместно с домочадцами.

* * *

Итак, внутри, казалось бы, единой фермерской группы мы наблюдаем людей, одни из которых трудятся не покладая рук, другие — не перегружаясь; одни со знанием дела — другие с надеждой на удачу, «на авось»; одни успешно ведут хозяйство и живут сегодня много лучше, чем вчера — другие почти прогорели и живут значительно хуже; одни рискуют, берут большие кредиты, расширяя и развивая свое дело — другие предпочитают жить спокойно, не беря в долг, ограничиваясь тем, что есть уже в наличии и т.п.

Названные ориентации и стили жизни имеют, конечно, различные перспективы в наших сложных экономических и политических условиях.

Лишь группа «фермеров» (42% состава юридических фермеров), организующая товарное хозяйство, готовая к поиску нестандартных решений, конкуренции и риску, не жалеющая сил для достижения поставленных целей, возлагающая при этом надежды на частную собственность и скорую легитимацию своей основной деятельности, ведущая ее успешно уже в нынешних сложных условиях, преодолевающая все препоны на своем пути к процветанию и богатству, качественно новому состоянию жизни; демонстрирующая способности к саморегулированию и саморегулированию, к адекватной оценке собственных ресурсов и внешних условий деятельности, — только эта группа может быть названа собственно фермерской, предпринимательской, состоящей не просто из хозяев, но хозяйственных инноваторов, руководителей, организаторов.

Мощное и успешно реализуемое стремление к индивидуальному благосостоянию не является для ее членов главной целью, но неразрывно связано с целями достижения подлинно свободной жизни для окружающих, для семьи и общества в целом.

Естественно, что не только численно, но прежде всего экономически и социально эта группа видится базовой для развития фермерского движения в целом, представляя в нем мощную тенденцию **посткрестьянизации**, полной интеграции в систему рыночных отношений.

«Крестьяне», являясь группой, весьма сходной с фермерской по основным параметрам жизненной ситуации (высокая удовлетворенность трудом и жизнью в целом, успешное ведение хозяйства, обоснованный оптимизм, безоговорочное признание частной собственности во всех ее видах и формах и т.п.), но не будучи по определению предпринимателями (ориентация в производстве прежде всего на удовлетворение

потребностей семьи), отличаются склонностью к традиционализму и изоляционизму. Они прослеживаются в характеристиках семьи, в оценке факторов выживаемости фермерских хозяйств, а также при анализе отношения к элементам производственной ситуации, вызывающим наибольшие положительные и отрицательные эмоции («опора на собственные силы»).

Не лишены «крестьяне» самодовольства, самоуспокоенности, проистекающих из достижения достаточно умеренных целей без принятия на себя большого риска. Они прочно стоят на земле, мало чего опасаются и уверены как в своем будущем, так и в будущем России в целом.

Эта группа, активно адаптируясь к рыночным условиям, утверждая современный вариант крестьянского образа жизни, представляет в фермерском движении мощную тенденцию **рекрестьянизации**. Можно предположить, что, с одной стороны, группа будет активно пополняться за счет наиболее инициативных работников сельскохозяйственных предприятий, которым она психологически более близка, нежели собственно фермерская, а с другой, — пополнит из своего состава и из состава членов своих семей «фермерскую» группу по мере сближения с ней, принятия предпринимательской ценностной парадигмы.

Что же касается «советских» групп, «по определению» психологически не приспособленных к ведению фермерского хозяйства в современных условиях, то по инертности, ориентации на работу «с прохладцей» и жизнь «как у всех», а также на удачу, случай, при явной переоценке своей личности, плохом социальном самочувствии, гиперосторожности, достаточно выраженной «объектности» и неоднозначном отношении к частной собственности, они очень напоминают работников сельскохозяйственных предприятий с их достаточно специфическим образом жизни.

Обе «советские» группы весьма близки к ленивым идеалистам-мечтателям, сделавшим, наконец, один серьезный шаг в направлении изменения своей опостылевшей жизни, но не способным идти дальше и потому продолжающим гордиться этим шагом, выставлять его напоказ до самой кончины. В силу своей экономической несостоятельности и социальной непривлекательности эти группы имеют мало шансов на выживание и будут, по всей видимости, развиваться синхронно с группой работников сельхозпредприятий (имеющих с ними много общего).